

Юрий Богатырев

Герои заслуженного артиста РСФСР Юрия Богатырева на редкость разнообразны. Выходит неведимым из лихих перестрелок чекист Егор Шилев (фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих»). Вступает в трагический поединок с судьбой Мартин Иден в одноименном телефильме. Азартен в делах Штольц в «Несколько дней из жизни И. И. Обломова». Дарит людям тепло души Илья Николаевич Ульянов (мхатовский спектакль «Путь»). За сравнительно небольшое время, что длятся фильм или спектакль, мы многое узнаем о каждом из этих персонажей, точно годы прожили вместе. А сыгравший их человек, актер, остается как бы «за кадром». Отсутствие индивидуальности? Или принцип работы над ролью?

— Считаю, что рассказывать нужно о тех людях, которых я играю, а не себя демонстрировать,— говорит Юрий Георгиевич.— Есть и другая точка зрения — оставаться самим собой в предлагаемых пьесой обстоятельствах. Мне же интереснее играть человека, характер которого отличается от моего. На некоторое время влезть в его «шкуру».

— А вдруг не по размеру окажется? Как ее примеряете на себя?

— По-разному. Вот недавно снимался у Виталия Мельникова в фильме «Уникум». Его главный герой обладает способностью передавать на расстояние сны. А я играю перелуганного начальника вычислительного центра НИИ: весь коллектив видит его в снах... официантом. Фантастическая комедия, тут нужна особая достоверность. И вот я занялся внешностью героя, сделал себе идеальный проробор — его даже белой крас-

кой прорисовали. Напудрил лицо — появилась некая матовость. Подобрал идеальный костюм без единой морщинки. Добавил совершенно немислимый галстук. И еще придумал небольшой дефект речи. Эти внешние приметы помогли найти суть характера.

— Вы много играете в комедии. Любимый жанр?

— Да. Люблю в искусстве улыбку. Не терплю скуки или когда много вечеров подряд мне рассказывают телесюжет, который заслуживает в лучшем случае одной серии. Я даже говорю, как уверяют знакомые, слишком быстро. В фильме Н. Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих» есть кадр: человек съезжает по кромке водопада. Другой бы режиссер долго любовался эффектной сценой, а Михалков просто скомандовал: «Поехали!» — и «впогнал» действие фильма дальше. Вот это по мне.

— В этой картине состоялся ваш кинодебют. Как это произошло?

— Я окончил Театральное училище имени Щукина. В свое время там учился и Никита Михалков. С третьего курса он перешел во ВГИК, но в училище часто появлялся на занятиях и

экзаменах. Как-то пришел на показ самостоятельных работ — инсценировок новелл нашего сокурсника Леонида Филатова. После спектакля подошел ко мне за кулисами: «Старик, нам надо работать вместе». Ну, сказал и сказал. А потом действительно пригласил сниматься в своем дипломном фильме «Спокойный день в конце войны» — в крохотной, почти бессловесной роли. А спустя два года предложил специально для меня написанную роль Шилова в фильме «Свой среди чужих, чужой среди своих».

— Вы расцениваете эту встречу как везение? Вообще вы везучий?

— Хвастать везучестью опасно. Но все же... Не приди тогда Михалков в наше училище, кто знает, было бы вообще в моей жизни кино? Студентом мечтал о работе с Анатолием Васильевичем Эфросом — получил роль в его телефильме «Таня». А теперь еще играю в его постановках на мхатовской сцене — «Тартюф» и «Живой труп». Кстати, самым моим заветным и, как думалось, неосуществимым желанием всегда было — стать актером Московского Художественного театра. Как видите, сбылось.

— Этот путь на сцену был прям? Или с поворотами?

— О, поворотов было немало. Когда в четыре года впервые попал в цирк и в кукольный театр, этот мир меня настолько поразил, что об нем я уже и не помышлял. Сам начал делать куклы и разыгрывать спектакли — в комнате, во дворе. Очень любил гримироваться и наряжаться. Продолжалось это долго. Но в четвертом классе к нам пришел замечательный преподаватель рисования и черчения. Он водил нас в музеи, рассказывал о передвижниках, импрессионистах. И я начал рисовать, увлекся, решил стать художником. Правда, успевал заниматься и в школьном драмкружке, и в ансамбле танца. Но после восьмилетки поступил все же в художественно-промышленное училище — на коврово-ткацкое отделение: по соседству с нами жила художница по тканям, и ее работа мне очень нравилась. Но в училище сразу же организовал театральную студию, да еще и во Дворец пионеров на Ленинских горах ездил — на занятия кукольной студии «Глобус». Когда узнал о Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства, решил попытаться счастья —

был принят. А уж потом стал студентом Театрального училища имени Щукина.

— Рисовать продолжаете?

— Как говорится, для себя. Причем все работы связаны с кино, театром, литературой. Пишу портреты товарищей по работе, композиции на темы любимых фильмов или пьес. Сначала придумываю внешность персонажей, костюмы, грим, а потом «погружаю» в подходящую среду.

— Наверное, Богатырев-художник помогает кое в чем Богатыреву-актеру.

— Пожалуй, в поиске грима. В фильме Ильи Фрза «Карантин» я играл Дедушку, неудавшегося детского писателя. И придумал, что у него должна быть львиная грива, как у Балзака или Дюма. И еще обязательно эспаньолка, а для гармонии с Бабушкой — ее роль исполняла Светлана Немоляева — роговые очки.

— Итак, вы любите не похожих на себя героев. А все-таки были похожие?

— Пожалуй, Штольц в детстве из фильма «Несколько дней из жизни И. И. Обломова». Помните сцену его прощания с отцом? Во всех моих ролях это, я думаю, единственный эпизод, где герой очень близок мне.

— Чьи «шкуры» собираетесь примерять в ближайшем будущем?

— Готовлю роль Учителя в пьесе болгарского драматурга Ивана Радичкова «Попытка полета» — ее ставит во МХАТе соотечественник автора Младен Киселов. Буду Маниловым в многосерийном телефильме Михалки Швейцера «Мертвые души».

Беседу вела
Т. ИСКАНЦЕВА.

ТРУДА
г. Москва

9 МАР 1984